

ЭПИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ В ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ

Наталья Никитична НИКОЛАЕВА ¹

PhD. Natalia Nikolaeva

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена образу эпического героя в эпосе бурят и кыргызов. Определено, что в архаичном «Гэсэре» и классическом «Манасе» сохраняется его мифологическая основа, несмотря на «обрамление» в соответствии с новыми условиями построения эпического сюжета и новыми персонажами.

Ключевые слова: Фольклор, Героический Эпос, Мифология, Буряты, Кыргызы, Сюжет, Персонажи.

Николаева, Наталья Никитична. "Эпический Герой В Тюрко-Монгольской Традиции". *Siberian Studies (SAD)* 3.7 (2015): 27-35.

Николаева, Н. Н. (2015). Эпический Герой В Тюрко-Монгольской Традиции. *Siberian Studies (SAD)*, 3 (7), s. 27-35.

¹ PhD., senior researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies SB RAS, к. филол. н., старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. М. Сахьяновой, д. 6, natanika80@mail.ru

THE EPIC HERO IN TURK AND MONGOLIAN PEOPLE'S EPIC TRADITION

ABSTRACT

The article considers the image of the hero in Buryat and Kyrgyz epics. It's determined that in the archaic "Geser" and the classic "Manas" mythological basis is preserved, despite the "framing" in accordance with the new requirements for the development of an epic story and new characters.

Keywords: Folklore, Heroic Epic, Mythology, buryats, Kyrgyz, Plot, Characters.

В героическом эпосе нашли свое отражение различные ступени развития общества – «от стадии разложения родового строя до перехода к классовому обществу, включая реликты матриархата, древние обрядовые комплексы, связанные с ними религиозные представления и культовые воззрения» (Захарова, 2004: 3).

В архаических формах эпоса, начинавших складываться в эпоху родоплеменного общества, элементы собственно героической эпикки еще не оформлены полностью, преобладает мифологический аспект, используются язык, сюжетики и образность первобытных мифов (этиологических, этногонических, тотемистических, анималистических, генеалогических и т.д.), а основными темами выступают борьба с хтоническими чудовищами, героическое сватовство и женитьба, родовая месть. Эпический герой либо одинок, либо представляет собой лучшего из рода, его главу, предводителя небольшой воинской дружины. Мелкие конфликты и более масштабные батальные сцены на деле нередко сводятся к единоборству героя-богатыря с противником – чудовищем или богатырем-чужаком (принадлежность которого к исторической народности либо не определяется, либо носит характер более поздней вставки), при этом дружина (если она есть) во многом инертна и слабо прописана в сюжетных действиях. Время и пространство архаического эпоса мифологичны по многим своим параметрам. Герой действует в эпоху первотворения, первосложения мирового порядка, упорядочения окружающего пространства, выступая создателем, установителем и хранителем существующих этических норм, принципов, традиций, нося в себе черты первопретка – героя шаманского мифа.

Классический эпос дает картину зарождения ранней государственности, активно идущего этногенеза, воспеваает историческое (или псевдоисторическое) прошлое с реальными событиями и лицами. Эпическим фоном обычно служит борьба и / или возникающие ассимилятивные взаимосвязи между несколькими племенами или народностями, в большей или меньшей степени тождественными историческим прототипам. Герой классического эпоса – богатырь-вождь, национальный герой, в котором сконцентрированы черты идеализированного правителя, защитника и поборника справедливости, «собирает» народ. Его враги нередко представляют собой исторических завоевателей, иноплеменных или иноверных противников, с которыми сталкивался этнос за все периоды своей истории. При этом само описание исторических реалий, изображение событий (возможно, имевших параллели в действительности) реализуются согласно традиционным сюжетным константам с привлечением мифологических пространственно-временных моделей.

Героический эпос бурят (и «Гэсэриада» во всех своих версиях и вариантах, и другие сказания-улигеры) архаичен, в отличие, например, от кыргызского «Манаса», представляющего собой именно классический во всех пониманиях эпос, но тем интереснее найти параллели и, возможно, выявить типологическое сходство или генетическую близость в сюжетике, мотивном фонде или системе персонажей.

Анализ текстов бурятского и кыргызского эпосов (обратимся к «Гэсэру» в версиях П. Петрова (Абай Гэсэр, 1960) и М. Эмегенова (Абай Гэсэр-хубун, 1961) и «Манасу» в варианте С. Орозбакова (Манас, 1995)), прежде всего, позволяет выделить стройную композиционную структуру и цельную логику развития сюжетных линий. И в «Гэсэре», и в «Манасе» (впрочем, как и во всех эпосах) центральным и ключевым стержнем, на который нанизываются многочисленные сюжетные коллизии и линии, является эпическая биография героя-богатыря. Обращает на себя внимание очевидная близость ее «основных вех». Не расписывая подробно мельчайшие детали, выделим общие мотивы: чудесное рождение героев у престарелых бездетных родителей; эпизод с именованием (как Гэсэра почти во всех вариантах, так и Манаса в одном варианте эпоса вначале называют «низким» именем, не упоминая истинное); необычные качества, отличающие от других детей (физическая сила, быстрый рост и т.д.); детские подвиги и в то же время озорство, причиняющее вред окружающим; воспитание будущего героя у других людей (Гэсэр у дяди Саргал-нойона, Манас у пастуха Ошпура); обретение верного коня, доспехов и вооружения (от небесных покровителей); женитьба на богатырской девице (у Гэсэра в варианте П. Петрова три жены, одна из них – дочь владыки вод воительница Алма Мэргэн; в образе жены Манаса Канькей сохраняются черты девы-богатырки, богатырка Сайкал – его «посмертная» жена); наличие мудрого советчика (дядя Саргал-нойон у Гэсэра и мудрец Бакай у Манаса); родственники-враги (дядя Хара Сотон в «Гэсэре» и кёзкаматы в «Манасе»).

«Гэсэр» и «Манас» построены по принципу генеалогической циклизации. В эхирит-булагатском варианте «Гэсэра» М. Эмегенова существует продолжение о подвигах его сыновей Ошор Богдо и Хурин Алтая. Известны и распространены повествования о героических деяниях нескольких поколений потомков Манаса – сына Семетея, внука Сейтека, правнука Кенена, его потомков Алымсарыка и Кулансарыка, хотя наиболее традиционен цикл, объединяющий Манаса, Семетея и Сейтека. В.М. Жирмунский указывал, что подобная циклизация характерна для эпосов всех народов Средней Азии и «Манас» является классическим примером такой циклизации, биографической и генеалогической, с одновременным стилистическим развертыванием в смысле Хойслера (Жирмунский, 1979: 33, 308).

Во всех вариантах и версиях Гэсэриады неизменным является мотив земного и небесного, т.е. полубожественного происхождения героя. У Гэсэра две пары родителей, земная и небесная и, кроме того, небесные творцы и создатели и, соответственно, двойные узы родства, он равно принадлежит и среднему миру людей, и верхнему миру небожителей. Полубожественное происхождение Манаса нивелировано и получило, очевидно, более позднюю религиозную (исламскую) тональность, хотя мотив чудесного рождения у бездетных стариков сохранился. Реминисценцией его сверхъестественного происхождения, возможно, следует считать эпитетику, связанную с образом, в которой идет сравнение с природными объектами, а также присутствуют следы тотемизма. Изображение облика Манаса выдержано вполне в духе архаической героики – гипертрофированная физическая сила и гиперболлизированные черты. Внешность героя неординарна и в некотором роде аномальна: тело сильное, как у слона, шея тигриная, предплечье мощное, уши волчьи, грудь как у тигра; ощетинившиеся волосы на лице, борода как колчан, усы словно бухарский меч, из огненных глаз рассыпаются искры, весь облик у него как у семитысячного войска. О богатырской силе Манаса можно судить по весу его одежды (то, что он надел на себя, равняется выюку сильного верблюда), по его тяжести – не каждый конь может его носить. Неоднократно подчеркивается, что он подобен горе, его мощь как черная скала, он как камень, которого не берет булат, его не пробить палицей, в бою его сопровождают драконы, змеи, волк, птица Алп кара куш, архар, святые духи и т.д. (Сыдыков, 1982: 30–35). Для сравнения портрет Гэсэра: зубы каждый с лопату, бычья шея, облик здоровый и румяный, не мальчик, а исполин, не мужчина, а сокровище; шапка как копна, кисточка на ней как кочка, трубка величиной с берцовую кость, его конь длиной девяносто шагов (Абай Гэсэр-хубун, 1961: 34–36).

Внешность Манаса и Гэсэра типична для раннего эпоса, когда такие понятия, как гигантский рост, вес, сила неотделимы друг от друга и составляют суть богатырского образа. Но кыргызский эпос, в отличие от бурятского, это эпос классический, и хотя в образе Манаса и присутствуют сверхъестественные черты, но все же он представлен не как полубожество, а как человек, лучший из людей, вождь. Возможно, поэтому в тексте встречаются эпитеты с нравственно-оценочной окраской – жеткилен ‘идеальный, совершенный’, жетик ‘образцовый, совершенный’, кёйкашка ‘отличный для других; выдающийся’, берен ‘герой’ (Сыдыков, 1982: 32).

Бурятский Гэсэр – единственный герой, у него нет дублирующего двойника – друга-побратима или помощника, дружина (небесные богатыри и воины, которые спустились с ним на Землю) пассивна, и даже его конь не

играет такой активной роли, как в более поздних улигерах. Неся в себе признаки первопредка и культурного героя со сверхъестественной силой, Гэсэр является воином и магом, обладает даром оборотничества и неуязвимости, управления стихиями и абстрактными «волшебными силами» (Абай Гэсэр-хубун, 1961: 98, 132). В этом ключе Гэсэр близок скорее не Манасу, а Алмамбету, другу, соратнику и советнику Манаса, образ которого контаминирует типичные образы чудесного помощника и младшего героя (богатыря-побратима) и разработан в том же ключе архаической героини, что и образ главного героя. Если отбросить в сторону поздние религиозные наслоения и психологизм (что, очевидно, объясняется развитием классического эпоса), усматривается очень древняя основа. Алмамбет, по всей вероятности, герой еще доэпического, шаманского мифа. Как у тотемистического первопредка, обладавшего зооморфными или териоморфными чертами, с ним связаны образы животных и птиц из сна Манаса (Кыдырбаева, 1967: 23), хотя это может быть и более поздним наслоением. Мотив одиночества, постоянно сопутствующего Алмамбету, может трактоваться как одиночество или сиротство первопредка на заре мифологического времени. Его магические способности (умение заговаривать погоду, переправляться при помощи заклинаний через реки и горы, усмирять врагов и т.д.) и одновременно воинские качества (как и у Гэсэра) указывают на сохранившиеся признаки мифологического сознания с его синкретизмом. Поэтому, возможно, с одноглазым великаном Макель-Малгуном, в образе которого сохраняются явные мифологические черты, сражается именно Алмамбет, а не Манас.

Постоянный устойчивый мотив, связанный с любимым эпическим героем, – борьба с многочисленными врагами, определяемыми как чудовища. В бурятском эпосе цель и причина нисхождения с Небес, вынужденного перерождения на Земле изначально небожителя Гэсэра – прежде всего уничтожение чудовищ-мангадхаев, пожирающих людей, причиняющих им зло и бедствия. В эхирит-булагатской версии эпоса враги – только зооморфные мангадхаи. Существенная деталь – в эхирит-булагатской версии они открыто причисляют себя к роду небожителей (Абай Гэсэр-хубун, 1961: 196), в унгинской – появляются на земле от частей тела поверженного в поединке главы злых восточных тэнгриев-небожителей Атай Улана (Абай Гэсэр, 1960: 25–25), т.е. эпический герой, имея полубожественное происхождение, связан с чудовищами, которых он уничтожает, что еще раз указывает на архаичность образа. В более поздней унгинской версии, имеющей черты эпоса раннефеодального общества, представлены и вполне антропоморфные антагонисты – ханы с войсками и военачальниками, посягающие на земли, имущество и подданных героя, что указывает на эволюцию эпических образов.

Но в целом, образы врагов – и ханов, и чудовищ, – носят слегка размытый характер. Изображаются многоголовые и многогортые мангадхай или, наоборот, одноглазые мангадхайки, но нет выраженной персонификации. К примеру, характер боя эпического героя с многоголовым мангадхаем таков же, как с одноглазой мангадхайкой или войсками ханов-захватчиков.

Таким образом, Гэсэр сражается по большей части с зооморфными чудовищами, его антропоморфные противники не имеют особых персонифицированных черт, привязка эпического действия к определенным локациям (Алтай и Хухэй, река Морэн, страна Хонин Хото и т.д.) мифологична, а географические реалии, хоть и встречающиеся в центральноазиатской топонимике, во многом условны. В «Манасе» эпическое время носит не мифический характер, а более исторический (Мелетинский, 1963: 369). Топонимы, гидронимы, этнонимы связаны с территорией расселения протокиргызских родов, племен и родоплеменных объединений и союзов в прошлом. Противники Манаса – калмаки, манджы / манджу и кытаи, несмотря на размытость образа врага в эпическом контексте, имеют исторические прототипы – ойраты в период Джунгарского ханства, маньчжурская династия Цин XVII–XX в. и, возможно, кидани в период своего завоевания Северного Китая в X–XII вв. и правления династии Ляо, с которыми сталкивались на протяжении своей этнической истории кыргызы. При этом наряду с вполне антропоморфными и историческими калмаками, кытаями и манджу, в эпосе врагами героев выступают и чудовища, в частности, племя манггюба и его предводитель великан Макель-Малгун. Утрированное и в высшей степени гиперболизированное описание их указывает на архаичность образов. Физиологическая избыточность (множество голов, ног, рук, рогов, чрезмерная волосатость манггюба) наряду с чертами недостаточности, неполноценности или асимметрии (циклопность и гороподобность Макель-Малгуна) маркируют признаки существа иного, не-человека, имеющего хтоническое происхождение.

«Герои классического эпоса "освобождаются" от мифологии, причем это происходит и на уровне образа, и на уровне сюжета: в первом случае герой лишается большей части тех сверхъестественных качеств, которые были присущи ему в эпосе архаическом; во втором – выступает как враг многих мифических существ не потому, что они опасны, а просто из-за их иномирности... В центре внимания раннего государственного эпоса – дела по преимуществу человеческие; если они и имеют мифологический подтекст, то он оттеснен на задний

план...» (Баркова, режим доступа:
<http://mith.ru/alb/epic/htm>).

В «Гэсэре» не определяется этническая принадлежность героя и его оппонента антагониста, Гэсэр – защитник и освободитель народа, а народ – это буряты по умолчанию, по крайней мере, в бурятских версиях. Он пока еще не «собиратель» и не «правитель» народа и сражается с мангадхаями, потому что они угрожают людям, миру человеческому, противопоставленному хтоническому миру чудовищ. Просматривается идентификация героя не как представителя определенной этнической группы или этноса, а по более древней принадлежности его к небольшому родо-племенному коллективу, территориально ограниченному, переходящему к патрилокальным экзогамным брачным отношениям. При этом эпос сохраняет данные и еще более раннего общества (следы матрилокального брака и материнского рода, тотемизм, анимизм, фетишизм и т.д.), что позволяет делать выводы о многослойности эпического текста и насыщенности его разновременными пластами. Говорить о формировании, даже зачатках формирования этнического самосознания в «Гэсэре», конечно же, рано, бурятский эпос слишком архаичен для этого.

В «Манасе» же идет позиционирование героя как национального вождя, предводителя и правителя, консолидирующего народ, уже осознавший свою этническую общность. Нападение врагов – во многом угроза целому государству и существованию этноса, а не небольшого родового коллектива.

Если в образе бурятского Гэсэра доминирует тип героя «второго поколения», хотя ему присущи черты и первого, и третьего и даже в какой-то степени четвертого, то кыргызский Манас скорее представитель «третьего поколения», но с сохранившимися признаками второго (Шталь, 1975; Баркова, режим доступа: <http://mith.ru/alb/epic/htm>). Мифологическая основа подобных образов сохраняется и в раннем, и в классическом эпосе, несмотря на «обрамление» ее в соответствии с новыми условиями построения эпического сюжета и новыми персонажами.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абай Гэсэр. Вступит. ст., подг. текста, пер. и коммент. к нему А.И. Уланова. – Улан-Удэ, 1960.

Абай Гэсэр-хубун: Эпопея (эхирит-булагатский вариант). Подг. текста, пер. и примеч. М.П. Хомонова. – Улан-Удэ, 1961. – Ч. 1.

Баркова, А.Л. Четыре поколения эпических героев. (Электронный ресурс). URL: <http://mith.ru/alb/epic/four1.htm> (дата обращения: 25.02.2015).

Жирмунский В.М.. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и запад. – Л., 1979.

Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа саха (по материалам олонхо) / А.Е. Захарова. – Новосибирск, 2004.

Кыдырбаева Р.З. К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас». – Фрунзе, 1967.

Манас. Киргизский героический эпос. Книга 4. – М.: «Наследие», 1995.

Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. – М.: Восточная литература, 1963.

Сыдыков А. Героические мотивы в эпосе «Манас». – Фрунзе, 1982.

Шталь И.В. Эволюция эпического изображения (четыре поколения героев «Одиссея» Гомера) / И.В. Шталь // Типология народного эпоса. – М., 1975.